

ленное пространство в теле, как один из органов. «Печенка, кости, сало — вот что душу образует», — делает вывод герой.

Итак, в поэзии Н. Олейникова представлен особый тип лирического героя, который создает своеобразную действительность, отличную от человеческой модели мира. Реальная жизнь переводится в новое измерение, выворачивается изнаночной стороной. Здесь недостоверное, маловероятное или невозможное приобретает свои «законные» права на существование. «Наоборотный» мир небывалого утверждает относительность всех истин. Внимание героя сосредоточено на случайном, «пустячном», с точки зрения здравого смысла, на «ненужном». Таким образом, формируется специфический мир «кажимостей», нелепостей, который является «отрицанием» реальной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Васильев И. Е. Обэриуты: Теоретическая платформа и творческая практика. Свердловск, 1991.
- Васильев И. Е. Русский авангард начала XX века (группа «41°»). Екатеринбург, 1995.
- Гинзбург Л. Я. Н. Олейников // Олейников Н. М. Пучина страстей. Л., 1991.
- Злобина А. Случай Хармса, или Оптический обман // Новый мир. 1999. №2.
- Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М., 1972.
- Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех Древней Руси. Л., 1984.
- Манн Ю. В. О гиперболе. М., 1966.
- Олейников Н. М. Пучина страстей. Л., 1991.
- Федоров В. О жизни и литературной судьбе В. Набокова // Набоков В. Стихотворения и поэмы. М., 1991.
- Эпштейн М. Искусство авангарда и религиозное сознание // Новый мир. 1989. № 12.

ЕКАТЕРИНА
ВИКТОРОВНА
АВЕРЬЯНОВА

МАРГИНАЛЬНОЕ В БЫЛИНАХ КИЕВСКОГО ЦИКЛА (семиотическое прочтение былины «Добрыня и Алеша»)

В статье посредством семиотического анализа былины «Добрыня и Алеша» (в рамках Парижской семиотической школы) устанавливается второстепенный статус былинного персонажа Алеши Поповича, обосновывается его необходимость с культурологических позиций.

Основой исследования послужила теория трехфункциональной структуры общества, изложенная в трудах французского историка культур Жоржа Дюмезиля. Он различает три типа общественной деятельности, или три «функции», вы-

деляя высшую функцию священников, вторую функцию воинов и третью функцию производителей и характеризует их следующим образом: «... за священниками, воинами и производителями вырисовывается иерархия функций магической и юридической власти, физической силы, по преимуществу военной, и спокойного и плодородного изобилия» [Dumézil (1968) 1995:46]. Ввиду параллелизма между доисторической индоевропейской и средневековой европейской моделями, нам представляется возможным использование трехфункциональной модели в качестве объекта исследования на нашем материале.

В предыдущих работах нами было обосновано соотношение рассмотренных идеологических функций с жанрами¹, а именно: эпоса — с воинской функцией и агиографии — с функцией священников [Аверьянова 2002]. По нашему предположению, в русском эпосе, в частности в былинах Киевского цикла, группа младших богатырей — Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича — реализует архаичную индоевропейскую модель трех общественных функций: Илья Муромец — представитель первой функции — выступает как Мудрый, Добрыня Никитич — как Сильный, а Алеша Попович — как Галантный. Представляется возможным утверждать, что отмечаемая фольклористами противоречивость образа Алеши вызвана его маргинальным статусом в былинах как представителя третьей функции². Ж. Дюмезиль неоднократно подчеркивал близость представителей первой и второй функций и их противоположность третьей функции. В былинах Илья Муромец и Добрыня Никитич часто действуют сообща, тогда как нередко отмечается враждебность Алеши по отношению к Илье и неблагоприятный поступок Алеши по отношению к Добрыне.

Целью настоящей статьи является выявление специфики третьей функции в былинах, а также маргинального статуса ее представителя.

В анализируемой былине Алеша Попович прибегает к обману, чтобы жениться на жене отсутствующего Добрыни. Базовый вариант взят из сборника А. Ф. Гильфердинга (Гильф., II, 149). Былина состоит из 6 сегментов.

1. ПРОЩАНИЕ. Герой Добрыня (Субъект 1) готовится к отъезду в чисто поле. Он жалуется на свою судьбу воина; это причитание, типичное для былины «Добрыня и Змей», редко появляется в настоящей былине, вот почему оно не привлекает нашего внимания, хоть и фигурирует в базовом варианте. Например, в одном из древнейших вариантов Добрыня не плачет (Кирша Данилов, 21). В некоторых вариантах мать упрекает Добрыню в том, что он похвастался на пиру своей молодой женой перед князем Владимиром, который отправил его с поручением (Милл., 28; Аст., II, 109). Впрочем, более древний вариант представляет Добрыню добровольцем (Кирша Данилов, 21).

Жена Добрыни (Субъект 2), Настасья Никулична, спрашивает, когда он вернется. Добрыня предписывает ей соблюдение следующих обязательств: за приказным контрактом (*le contrat injonctif*), который заключается в предписании ждать шесть лет, следует разрешительный контракт, содержащий новое предписание — запрет вступать в конъюнкцию с Объектом 1, представленным боевым товарищем Алешей. Второй контракт является, скорее, сложным термином «разрешение-предписание» при доминировании термина «разрешение»³. В. Я. Пропп комментирует эту особенность отношений между соратниками⁴: «Жена побратима священна и недоступна для другого побратима...» [Пропп 1955:267].

Отметим, что жена Добрыни — бывшая воительница и жена воина — имеет право выбирать мужа, т. е. вести себя как Субъект, а не как Объект, что присуще представительницам третьей функции.

2. ОЖИДАНИЕ. Настасья ждала шесть лет, затем Алеша Попович (Субъект 3) вернулся с чиста поля и солгал ей, что видел Добрыню (Субъекта 1) мертвым (Рыбн. I, 26; Онч., 95; Былины Печоры, 62; Милл., 27). Тогда князь Владимир

начинает сватать ее за Алешу. Настасья отвечает, что она выполнила «заповедь» мужа и хочет выполнить свою заповедь – подождать Добрыню еще шесть лет (Рыбн., II, 7). Проходит шесть лет.

3. РЕШЕНИЕ. По наущению князя Владимира, она соглашается выйти за Алешу. Следовательно, Субъект 2 (Настасья) нарушает приказной контракт, вмененный Субъектом 1. Впрочем, известны варианты, в соответствии с которыми князь Владимир заставляет Настасью выйти замуж за Алешу (Рыбн., III, 16; Рыбн., I, 27; II, 6, 7; Милл., 27; Онч., 95; Гильф., I, 198; III, 206, 211, 217, 228).

4. СООБЩЕНИЕ ИЗВЕСТИЯ. Добрыня (Субъект 1), находящийся в этот момент в Царь-граде (Константинополе), узнает от коня, что Настасья выходит за Алешу. Субъект 1 отправляется в Киев, выполняя таким образом нарративную программу (далее – НП) СОХРАНЕНИЯ или ВОССТАНОВЛЕНИЯ БРАКА, предполагающую ПЕРЕМЕЩЕНИЕ как вспомогательную программу.

5. УЗНАВАНИЕ. Добрыня (Субъект 1) отправляется в Киев и находит свою мать. Она его не узнает, и он называется крестовым братом Добрыни. Он переодевается скоморохом (еще одна вспомогательная программа) и приходит на свадебный пир. Там он так хорошо играет на гусях, что князь Владимир его замечает и приглашает выбрать одно из трех почетных мест: подле князя, напротив князя и по желанию. Добрыня занимает место напротив невесты. Он наливает «чару зелена вина», опускает туда перстень и подносит жене. Настасья узнает обручальный перстень Добрыни и объявляет всем, что он является ее настоящим мужем (Гильф., I, 49). Но во многих вариантах Настасья узнает мужа по его игре и решает ему преподнести «чарочку меду сладкого», и только тогда Добрыня в ответ предлагает ей выпить чарку с «клеймом» (кольцом) (Былины Печоры, 98; 122; 134).

Узнавание определяется А. Ж. Греймасом и Ж. Куртесом как переход от «непризнания» (некоторого ошибочного знания) к истинному знанию [Greimas, Courtés (1979)1993:308].

О. Трофимова. КОБЫЛЬЕ ГОРОДИЩЕ

Отметим, что именно информативное действие Субъекта 3 (Алеша) нарушило порядок вещей, представив ложное как истинное.

6. САНКЦИЯ. Настасья падает в ноги Добрыне и просит прощения за то, что пошла замуж за смелого Алешу Поповича. Добрыня прощает ей, так как у женщин «волос долог, да ум короток» (так отрицается наличие у женщин такого достоинства первой функции, как ум). Но в одном варианте Добрыня прощает жене, потому что она выполнила свою заповедь и подождала еще шесть лет, иначе он отрубил бы ей голову (Гильф., I, 49). Затем он стыдит Владимира и его жену за то, что они сосватали «у жива мужа жену» (становясь тем самым их судебным Отправителем), но он не прощает Алеше, что тот солгал матери о его смерти (Гильф., II, 149; см. также: Рыбн., II, 7; III, 17; Гильф., I, 38; Кирша Данилов, 21; Аст., II, 109а, 134, 163, 184; Гильф., I, 65; Марк., 6, 62; Милл., 28; Былины Печоры, 8). Добрыня, схватив Алешу «за желты кудри», бросает его на пол и избивает кнутом. Базовый вариант заканчивается следующим поучением:

«Всяк-то, братцы, на веку ведь женится,
И всякому женитьба удавается,
А не дай Бог женитьбы той Олешинной»

(Гильф. II, 149; см. также: Рыбн., I, 26).

Раскаяние Алеша имеет форму испытания: Субъект признает несоответствие своего действия системе ценностей Отправителя. Показательно, что Добрыня, будучи судебным Отправителем, не принимает его извинений.

В одном варианте Добрыня объясняет, почему он оставляет Алешу в живых:

«Если ты мне не крестовый бы брат,
То отсек бы у тебя я буйну голову!»

(Былины Печоры, 134; см. также: Милл., 26, 27; Рыбн., II, 7; Зимний берег, С. 440; Гильф., III, 290, 292).

В соответствии с некоторыми вариантами, избиение Добрыней Алеша останавливает Илья Муромец (Рыбн., 42; см. также: Марк., 62; Былины Печоры, 8; Аст., II, 134; Гильф., 100, 107; Марк., 6). Но иногда Добрыня отрубает Алеше голову (Былины Печоры, 122; Рыбн., III, 17; Зимний берег, С. 412; Гильф., I, 23; 65).

Укажем, что Алеша нарушил правила дважды: сообщив ложное знание и захотев вступить в запрещенную конъюнкцию. Субъект 1 (Добрыня) считает первую ошибку более серьезной, устанавливая таким образом иерархию двух ценностных Объектов: мать имеет большую ценность, нежели жена.

Содержание концовки базового варианта, приведенного выше (см. Гильф. II, 149), и отсутствие воинской тематики и, соответственно, прославления богатырских подвигов позволяют нам рассматривать эту былинку как басню. Наличие сентенции, содержащей универсальный квантификатор и обобщающее настоящее время являются, по Ж. Морану, «привилегией» баснописца, который оценивает значение притчи [Maurand 1980:29]. В нашем случае употреблены дистрибутивный квантификатор «всяк», «всякий» (*chacun*) [Greimas 1986:24] и обобщающее настоящее время «женится», «удавается».

Между тем оппозиция *всякий/Алеша* весьма показательна⁵. Ааже Брандт выводит из этого оппозицию человечества чудовищу, предателю в *omnis/unus* (лат. «всякий/один») [Brandt 1986:7].

В рассматриваемой былинке вероломство Алеша маркирует его отрицательно и противопоставляет как предателя не только Илье и Добрыне, но всем, как рыжего Эрно в «Нарбоннском цикле» [Grisward 1981:53-55]. Обращаем внимание читателя на вариант, где Рассказчик говорит об отношении к Алеше присутствующих на пиру:

«Все на пиру взволновались,
Взволновались все, на его [Алешу] поругались...»
(Былины Печоры, 2).

Представляется целесообразным упомянуть в анализе данной былины замечание Б. Н. Путилова о том, что пропповская дилемма *запрет/нарушение* образует ядро русского эпоса: богатырь, нарушающий запрет, проникает в сферу подвига [Путилов 1988:93]. Поддерживая это мнение, мы бы хотели его ограничить: Б. Н. Путилов говорит о нарушении запрета, основанного на *могуществе* (*puivoir*), т. е. речь идет о запугивании, как мы видели это в зачинах проанализированных былин. Следовательно, такое нарушение желательно для русского эпоса как основа повествования? Но в былине «Добрыня и Алеша» фигурирует нарушение другого типа, опирающееся на *знание*, т. е. налицо нарушение кодекса чести, рассматриваемое как антиценность.

А. Ж. Греймас уподобляет отношение между дистрибутивом и порядковыми числительными с отношением между универсальным показателем и количественными числительными:

количественное числительное C/d ≈ порядковое числительное D/c,
универсальн. показатель T (C/d) ≈ дистрибутив T (D/c)

где C обозначает собрание, d – дискретные величины, а C/d – собрание дискретных единиц, и наоборот – с D/c (Greimas 1986: 24). T отсылает к закрытому классу, дискретному (T (D/c)) или целому (T (C/d)) (ibid.).

Употребление дистрибутива «всякий» в базовом варианте означает, что это слово, по Греймасу, «берется рассмотреть, по одному, всех индивидов закрытого класса» (ibid.). Автор выводит из этого эквивалентность универсального показателя T (C/d) (все люди) и закрытой серии порядковых числительных, представленной оппозицией *первый vs последний*. Все это дает нам возможность двойного прочтения оппозиции:

1) возможно уподобить термин «всякий» со *всеми людьми* закрытого класса, тогда *один* (Алеша) поставлен вне общности как предатель, маркированный отрицательно;

2) поскольку Алеша, тем не менее, представляется как член общности в сознании Рассказчика, можно рассматривать Добрыню и других людей как «первых» в данной общности, со ссылкой на положительный дейксис, с одной стороны, и Алешу как «последнего», со ссылкой на отрицательный дейксис, – с другой, соответствующего третьей функции: трехфункциональная структура как Целое определяет поведение Части, или функции. В нашем анализе мы принимаем последнее объяснение.

Подчеркнем «нерыцарский» характер наказания, заслуженного Алешей: Добрыня использует почти всегда «шалыгу подорожную»; Алеша не защищается оружием как виноватый (или в других вариантах Добрыня хватает его за волосы и швыряет на землю (Милл., 26, 27; Рыбн., I, 27; Гильф., III, 100, 107, 198, 290, 292). В одном варианте Алеша, после того как Добрыня его выстегал шалыгой, из-за «великого стыда» уезжает в неизвестном направлении (Гильф., I, 49), в другом – прячется под скамьей (Гильф., III, 217). Отметим единственный вариант, в котором Алеша в гневе хочет отрубить Добрыне голову, но Илья Муромец его останавливает, объясняя ему, что Добрыня ему не ровня, ведь он победил самого Илью Муромца (Милл. 29). Налицо антагонизм второй и третьей функции, представители которых доходят до рукоприкладства. Подобные случаи приводятся Ж. Грисвардом во французских эпических сказаниях [Grisward 1981:57].

Актер Алеша Попович, которого мы причисляем к третьей функции, характеризуется в Киевском цикле трансформирующим действием «нарушение запрета», в отличие от актеров Ильи Муромца и Добрыни Никитича, которые пренебрегают только запретом типа запугивания, соблюдая кодекс чести. Если в былине «Алеша и Тугарин» главный герой действует как настоящий богатырь, вызвав

О. Трофимова. ДЕРЕВО

на бой и победив иноземное чудовище, то в настоящей былине он является анти-Субъектом и может быть квалифицирован как не-богатырь.

Итак, мы заключаем, что былина, начинающаяся обычно с запрета, который на этот раз основан на модальности *знания*, а не на модальности *могущества*, рассказывает о нарушении запрета «предателем» и о его наказании. Более того, этот «предатель» воспринимается как *неотъемлемая составная часть* закрытого коллектива, несмотря на отрицательную характеристику. Следовательно, можно утверждать необходимость маргинального в обществе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Аст. I	Былины Севера. Т. I: Мезень и Печора / Записи, вст. ст. и ком. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. 655 с.
Аст. II	Былины Севера. Т. II: Прионежье, Пинега и Поморье / Подготовка текста и ком. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. 847 с.
Былины Печоры:	Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи). М.; Л., 1961. 606 с.
Гильф. I	Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 2-е изд. СПб., 1894. Т. I. 598 с.
Гильф. II	Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 2-е изд. СПб., 1896. Т. II. 710 с.
Гильф. III	Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 2-е изд. СПб., 1900. Т. III. 562 с.
Кир.	Песни, собранные П. В. Киреевским. 1860. Вып. I. 144 с.

- Кирша Данилов: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд., доп. М., 1977. 487 с.
- Марк.: Марков А. Беломорские былины. М., 1901. 617 с.
- Милл.: Миллер В. Ф. Былины новой и недавней записей из разных местностей России. М., 1908. 321 с.
- Онч.: Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904. 424 с.
- Рыбн. I Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861. Т. I. 488 с. + XXVI.
- Рыбн. II Песни, собранные П. В. Рыбниковым. М., 1862. Т. II. 354 с. + CCCLXXI.
- Рыбн. III Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1864. Т. III. 462 с. + LXXI.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Необходимо отметить, что в средневековом литературном процессе кастовая или сословная структура играла огромную роль. Произведения создавались и распространялись внутри корпорации или касты. Перенос письменного или устного сочинения в другую корпорацию или касту сопровождался его переделкой [Duby 1978:152-153]. Средневековый автор или рассказчик зависел во всем от более или менее закрытого коллектива — двора или монастыря, которому он адресовал свой труд. Первоначально функция жанра была скорее внелитературной и обуславливалась социальной практикой, вот почему жанр объединял типичные формы общественного сознания и формы его воплощения [Робинсон 1968:57]. В 1998 г. Ф. Растье развивает идею А. Н. Робинсона о соответствии социальной практики дискурсу, который ее излагает, или жанру [Rastier 1998]. Если и существует влияние дискурсов друг на друга, то все-таки порождающая их система остается автономной и развивается по своим собственным законам. Мысль о гетерогенности всякого текста, унаследованная от романтической теории романа, не является серьезным препятствием типологическому исследованию [Rastier 1998]. Классификация жанров приобретает первостепенное значение тогда, когда словарь, синтаксис и текстовые структуры определяются жанром [Rastier 1998].

² Что касается роли Алеши Поповича в былинах, то В. Ф. Миллер привлекает наше внимание к его соперничеству с Ильей Муромцем и его «позорное положение», «принижение образа» [Миллер 1910:154-158]. Например, автор упоминает враждебность Алеши, бросившего нож в Илью, который впервые появился при дворе; затем тот факт, что Илья просит передать известия о своих подвигах Алеше, или то, что Илья как предводитель не верит в способность Алеши победить Сокольника. Миллер отмечает, что некоторые сказители старались принизить образ Алеши из-за его предполагаемого происхождения (он сын ростовского попа Леонтия). Показательно, что Илья Муромец ведет себя таким образом только по отношению к Алеше. Заметим, что многие варианты былин замалчивают эту враждебность.¹

Представляется важным следующий момент: П. Д. Ухов обнаруживает, что из всех былин об Алеше только одна характеризует его как богатыря — защитника своей земли; другие былины рисуют его в мир-

ных условиях. Фольклорист подчеркивает достоинства Алеши: храбрость, решительность и хитрость [Ухов 1957:27]. Он думает, что кличка «Попович» обусловила изменение трактовки этого персонажа: в некоторых былинах Алеша теряет свои богатырские качества и становится сатирическим героем. Сказители из-за его прозвища придали Алеше фольклорные черты духовенства: жадность, скупость, ханжество [Ухов 1957:27]. Действительно, как верно указывает П. Д. Ухов, эти черты не превратили Алешу в отрицательного персонажа. Эти отрицательные черты имеют позднее происхождение и свидетельствуют об отношении крестьян к церкви [Ухов 1957:21]. Нельзя забывать, что автор написал об этом в советскую эпоху, в период «научного атеизма». Мы же не видим причину трансформации героя в его прозвище.

Авторы «Энциклопедии литературных героев» рассматривают Алешу как младшего воина в воинском союзе Добрыни, Ильи Муромца и Алеши. Эпические песни о нем могли существовать в XI в. [Энциклопедия 1998:305]. Отмечается противоречивость характера Алеши: его отличает безрассудная смелость [Энциклопедия 1998:305]. Он «силой не силен, но напуском смел», насмешлив, задирист; в отличие от Добрыни, он не «вежлив», не приветлив, любит «злато-серебро». Принято считать, что его молодость побуждала сказителей к использованию его имени в любовных приключениях: Алеша сватается к жене Добрыни, тайно посещает сестру Петровичей [Энциклопедия 1998:305].

Л. Грюэль-Апэр полагает, что Алеша менее значим, нежели два других главных героя, и что он играет иногда роль ложного героя [Gruel-Apert 1995:202].

³ Многие варианты эксплицируют причину запрета двойко:

1) Ввиду отрицательной ценности этого Объекта:

«...Только не ходи за Олешу Поповица,
Не ходи за бабьего насмешника»

(Былины Печоры, 2; см. также:

Былины Печоры, 98; 122; Кир., 415).

«...Не ходи-тко ты за смелого Олешу Поповича,
Олеша пустохваст то есть,
Век Алеша пустым хвастает...»

А поди-ка за Росейского могучего за богатыря...»

(Рыбн., II, 7).

«...Не ходи за Олешу за Поповица,

Олеша силен не силен, только напуском смел»

(Аст., I, 37).

2) Ввиду положительной ценности Объекта 1 и ограниченного характера обмена (не-обмена, по К. Леви-Строссу) женщинами между боевыми товарищами, Добрыня формулирует:

«...Только не ходи ты да за Олешеньку Поповича, —

Ведь он-то мне-ка ведь как нонь да как двоюрод брат»

(Былины Печоры, 62).

Или более подробное объяснение:

«Жди меня три года, а тогда выходи замуж, только не за Алешу Поповича, он, собака, мне крестовый брат»

(Былины Печоры, 75; см. также:

Былины Печоры, 82; Онч., 95).

«...Столько не ходи за смелого за Олешеньку за Поповича,
Как Олешенька Попович названный брат,

Да мне-ка меньшей брат,

А я Олешеньке-то есте большой брат»

(Гильф., 100).

⁴ Объяснение этому мы нашли в ряде вариантов:

«... А только не ходи ты за смелого Алешу Поповича,
Смелый Алеша Попович мне крестовый брат,
А крестовый брат паче родного»

(Гильф., III, 198; см. также:
Рыбн., II, 6; Аст., II, 172).

⁵ Мы обращаемся к Вигго Брендалю, который определяет *omnis* (лат. «всякий») как числовой термин (*terme numérique*), соотносящийся одновременно с *nemo* (лат. «никто») и с *alius* (лат. «другой (из многих)»), а также косвенно с *quis* (лат. «кто-либо»), и который «обозначает, напротив, более дифференцированную совокупность: собрание индивидов в группу или коллектив. Составляющие этой группы признаются, с одной стороны, реальными (ср. *quidam* – лат. «один», «некий»), с другой – они образуют ансамбль (ср. *quis-quam* – лат. «кто-нибудь») [Brondal 1986:15]. Автор добавляет: «*Omnis*, кульминационный термин арифметической конструкции, выражающий организованный ансамбль, словно происходит... из самого имени человека: существа одновременно общественного и рационального. Образцом какой-либо организованной группы является человеческая группа» [Brondal 1986:17–18].

ЛИТЕРАТУРА

- Аверьянова Е. В. Функциональная и семиотическая интерпретация эпической поэзии и агиографии Киевской Руси. Тюмень, 2002. 232 с.
- Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1910. Т. II: Былины. 416 с.
- Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. 552 с.
- Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988. 224 с.
- Робинсон А. Н. Литература Киевской Руси среди европейских средневековых литератур // Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. М., 1968.
- Ухов П. Д. Русская былевая поэзия. М., 1957.
- Энциклопедия литературных героев: Русский фольклор и древнерусская литература. М., 1998. 544 с.
- Brandt A. Avant-propos. Sur la quantification // Actes sémiotiques-Documents, 1986, 72, VIII.
- Brondal V. *Omnis* et *totus*: Analyse et étymologie // Actes sémiotiques-Documents, 1986, 72, VIII.
- Duby G. Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. Paris, 1978. 428 p.
- Dumézil G. Mythe et Epopée I // Dumézil G. Mythe et Epopée I. II. III. Paris, (1968)1995.
- Greimas A. J., Courtés J. Sémiotique: Dictionnaire raisonné de la théorie du langage. Paris, (1979)1993. 424 p.
- Greimas A. J. Comment définir les indéfinis? // Actes sémiotiques-Documents, 1986, 72, VIII.
- Grisward J. H. Archéologie de l'épopée médiévale. Paris, 1981. 341 p.
- Gruel-Apert L. La tradition orale russe. Paris, 1995. 300 p.
- Maurand G. «Le Corbeau et le Renard». Approche narrativo-discursive // Documents de recherche du Groupe de Recherches sémio-linguistiques (EHESS-CNRS). № 17. 1980. 31 p.
- Rastier F. Typologie et interpretation des textes // Analyse des discours: Textes, types et genres. Colloque International (3-4-5 décembre 1998 à l'Université de Toulouse-Le Mirail) du Centre Pluridisciplinaire de Sémiolinguistique Textuelle. Resumés de communications. <http://www.fl.ulaval.ca/hst/visio/communi.htm>.